

М.А. Козлов

*Военный университет Министерства Обороны Российской Федерации,
г. Москва*

**СИСТЕМНЫЕ УРОВНИ В ПОЛЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДСТВ
ВЫРАЖЕНИЯ КВАНТИТАТИВНОСТИ
В ЯЗЫКЕ ПУШТУ
SYSTEM LEVELS IN FIELD STRUCTURE
OF QUANTITATIVITY EXPRESSION MEANS
IN THE PASHTO LANGUAGE**

Ключевые слова: квантитативность, части речи, эргативность, системные уровни, поле, периферия, элементы

Keywords: quantitativity, part of speech, ergativity, system levels, field, periphery, elements

В данной статье речь идет о системных уровнях средств выражения квантитативности в языке пушту с точки зрения теории поля. С одной стороны, мы делаем попытку определения устойчивых закономерностей, которые формируют эти уровни, и, с другой, стараемся установить характер связей, позволяющих рассмотреть их совокупность как поле. Исследуемым материалом для статьи послужили современная пресса и ряд художественных произведений на языке пушту.

Прежде всего, рассмотрим понятия квантитативности и поля. В лингвистике термин *квантитативность* является тождественным понятиям количества и количественности. Подтверждение этому мы находим в словаре лингвистических терминов, где термин *квантитативный* является синонимом слова *количественный* (Ахманова, 2013: 194). Теория поля широко распространена в современной лингвистике. Как замечает Г.С. Щур, «полевой подход, в основе которого лежит исследование групп слов, близких по значению, по мнению Й. Трира и Е.А. Найды, восходит уже к В. Гумбольдту и Г. Остгофу» (Щур, 1974: 22).

Результаты проведенных исследований доказали эффективность полевой модели языковой системы. Она представляет собой непрерывную совокупность взаимодействующих полей, пересекающихся в периферийных зонах и имеющих многоуровневый характер. Широко известная и по-разному трактуемая в языкознании полевая теория позволяет нам сделать попытку определить поле квантитативности пушту. Необходимо заметить, что в мировой иранистике оно до сих пор не рассматривалось. Все существующие труды как отечественных, так и зарубежных филологов содержат в себе описание форм множественного числа частей речи в данном языке без рассмотрения их полевой организации.

Поле характеризуется особой структурой, которая состоит из ядра, околоядерной зоны и периферии. Ядро содержит в себе максимальную концентрацию устойчивых признаков, отличающих данное поле от других. Око-

лоядерная зона образована словообразовательными средствами и грамматическими явлениями, которые по своей насыщенности и постоянству уступают центру. К *периферии* относятся конstituенты (*элементы поля*), в которых редко встречаются или слабо выражены характеристики ядра. Периферийная область соприкасается с другими полями и часто обладает их признаками. Компоненты поля могут подразделяться на микрополя и группы. Поле квантитативности языка пушту характеризуется наличием «количественных характеристик предметов мысли» (ЛЭС, 1990: 583). В редких случаях в пушту фигурирует значение двойственного числа, которое не свойственно ему, а является арабским заимствованием. Следует отметить, что поле квантитативности в пушту обладает значительно более развитыми и разнообразными средствами по сравнению с родственными иранскими языками. Оно выражается морфологически (*pakhtūn – pakhtānə, пуштун – пуштуны*), словообразовательными средствами (*xār – xārgūṭay, город – городок*), лексически (*dêri wīne – много деревьев*), синтаксисом (*polīs rāghəu – пришел полицейский* и *xə-dze rāghləle – пришли женщины*). Кроме перечисленного, периферийным явлением словообразовательного характера мы считаем редупликацию (*kalūna kalūna – годы и годы*). Эти средства неоднородны и неравноценны. Одни употребляются регулярно, а другие – эпизодически, занимая маргинальное положение по отношению к центральным.

Поля квантитативности и времени в пушту неразрывно связаны друг с другом. Второе поле также влияет на синтаксис. Объяснение этому, в первую очередь, связано с наличием или отсутствием прямого дополнения. По характеру связи поля квантитативности с полем времени можно выделить *два системных уровня*. Они отличаются друг от друга интенсивностью выражения количественных показателей. Под интенсивностью мы понимаем количество членов предложения, согласующихся друг с другом в отношении квантитативности.

К *первому* относится настоящее время несовершенного вида, будущее время несовершенного вида, потенциальное спряжение настоящего, будущего времени и прошедшего времени интранзитивных глаголов. Отдельным сегментом первого системного уровня мы считаем настоящее время совершенного вида, будущее время совершенного вида и повелительное наклонение.

Ко *второму системному уровню*, на наш взгляд, относятся прошедшее время всех видов переходных и квазипереходных глаголов, а также потенциальное спряжение совершенного вида прошедшего времени, порицательное, условно-желательное и предположительное наклонения. Необходимо заметить, что эта особенность обусловлена наличием в пушту эргативной конструкции. Она обуславливает особый порядок согласования существительных с другими *частями речи* в прошедшем времени, которые мы изучим позже, при обзоре второго системного уровня.

Рассмотрим закономерности, характерные для первого системного уровня. Ядром поля обоих уровней является форма имени существительного, так как другие части речи согласуются с ним, прежде всего, в категории чис-

ла. В иранистике до сих пор не существует общепринятой классификации существительных пушту ввиду многообразия их флексий. Мы разделяем позицию Е.Бертельса в этом вопросе, потому что «строить классификацию склонений едва ли возможно, так как исключений будет больше, чем правил» (Бертельс, 1936: 14). В отношении квантитативности все существительные пушту подразделяются на три категории:

– существительные, употребляемые только в единственном числе (*spintiā* – белизна, *ospāna* – железо);

– существительные, употребляемые только во множественном числе (*obā* – вода, *mis* – медь);

– существительные, употребляемые и в единственном, и во множественном числе (*kā'kəu* – окно, *окна*, *takhtā* – *takhtē*, доска – доски).

К ядру поля мы относим несколько средств лексико-грамматического порядка. Во-первых, это формы существительных, которые при образовании множественного числа сохраняют значение, которым они обладали в единственном числе. К ним относится большинство существительных, например, *mez* – *mezūna*, *стол* – *столы*, *shpin* – *shpānə*, *пастух* – *пастухи* и многие другие. Особый случай представляет собой явление реализации другого значения существительного с использованием множественного числа, например, *mrəsta* – *помощь*, но *mrəste* – *виды помощи*, *hamkārī* – *сотрудничество*, *hamkārəu* – *аспекты сотрудничества*. Во-вторых, это порядковые числительные, которые субстантивируются и обозначают исчисляемый предмет, например, *pindzəm kho dālta dəu* – *пятый уже здесь*. В-третьих, это выражение понятия количества, выраженного корневой морфемой, в частности, наиболее последовательно проявляющегося в личных местоимениях, например, *zə* – *я*, *tāsi* – *вы* и другие. В-четвертых, это субстантивированные глаголы, которые при этом принимают форму множественного числа мужского рода, например, *lwastəl* – *читать*, но *lwastəl pə z'ə pūre di* – *чтение интересно*, или *darwāgh* – *ложь*, *wayīl* – *говорить*, но *darwāgh wayīl* – *лживость*. В-пятых, это субстантивированные прилагательные, которые приобрели значение предмета, утратив значение его признака, например, *zalmāu* (*молодой*) – *zalmiūn*, но *юноша* – *юноши*, *bandī* (*заключенный*) – *bandiūn*, но *узник* – *узники* и другие. В-шестых, это причастия настоящего времени, которые часто становятся существительными, например, *kār kawūnkaū* можно в зависимости от контекста перевести как *работающий (причастие)* или *рабочий (существительное)*. Нужно отметить, что в первом системном уровне поля квантитативности пушту имена существительные, как настоящие, так и субстантивированные, а также причастия настоящего времени, могут быть любым членом предложения.

Мы обращаем внимание на то, что вышеперечисленные явления, касающиеся частей речи, формируют ядро поля квантитативности. На эти явления квантитативности существенное влияние оказывает сочетаемость с такими служебными частями речи, как предлоги и послелог. Закономерность таких преобразований одинакова для обоих системных уровней, поэтому мы рассмотрим данный вопрос позднее.

Ядро поля количественности языка пушту выражает чистое значение множественности или единичности, подчиняя себе околоядерную зону. К явлениям первого системного уровня относятся изменения, которые происходят с сильными (*prot – prātə, лежащий – лежащие* и другие), синкопированными (*mər – m’ə, мертвый – мертвые* и другие), прилагательными, заканчивающимися на дифтонг – *ay* (*nəway – nəwi, новый – новые* и другие), слабыми прилагательными с существительными женского рода (*tor – черный, tor_korūna – черные дома, но tōre pishiyāne – черные кошки* и другие), а также местоимениями–прилагательными *khpəl – свой (khpəl_kitābūna – свои книги, khpəle nazariē – свои взгляды), tol – весь, все (tol_korūna – все дома, tōle nūne – все девушки)*, которые передают характеристики ядра при согласовании с существительными множественного числа женского рода.

Эти группы прилагательных всегда принимают формы единственного, множественного числа существительных мужского (за исключением слабых прилагательных) и женского рода, а также других конstituентов, входящих в центр поля. Околоядерная зона также охватывает средства выражения количественности у адвербиализированных наречий меры и степени, которые примыкают к прилагательным, усиливая или уменьшая их семантическую нагрузку, например, *təka rāndā xə-dza – совсем слепая женщина, dēri ugdē kisē – очень длинные улицы* и другие.

На границе околоядерной зоны мы разместили способы выражения количественности, связанные с глаголами, передающими действие настоящего и будущего времени несовершенного вида, а также интранзитивными глаголами во всех временах. В данных условиях глагол, то есть, сказуемое, всегда будет согласовываться с подлежащим, какой бы частью речи оно не выражалось. Как мы увидим далее, в прошедших временах эта закономерность изменится. Для подтверждения такой классификации приведем таблицу спряжения в настоящем времени по лицам и числам транзитивного глагола *kawəl – делать* (таблица 1) и в прошедшем времени интранзитивного глагола *daredəl – останавливаться* (таблица 2).

Таблица 1

ед.ч			мн.ч		
<i>я</i>	<i>zə</i>	<i>kawət</i> делаю	<i>мы</i>	<i>ting</i>	<i>kawī</i> делаем
<i>ты</i>	<i>tə</i>	<i>kawē</i> делаешь	<i>вы</i>	<i>tāse</i>	<i>kawəy</i> делаете
<i>он</i> <i>она</i>	<i>day</i> <i>dā</i>	<i>kawī</i> делает	<i>они</i>	<i>duy</i>	<i>kawī</i> делают

Таблица 2

ед.ч			мн.ч		
<i>я</i>	<i>zə</i>	<i>daredələt</i> останавливался	<i>мы</i>	<i>ting</i>	<i>daredəlu</i> останавливались

<i>мы</i>	<i>tə</i>	<i>daredəle</i> <i>останавливался</i>	<i>вы</i>	<i>tāse</i>	<i>daredələy</i> <i>останавливались</i>
<i>он</i> <i>она</i>	<i>day</i> <i>dā</i>	<i>daredəli</i> <i>останавливался</i> <i>останавливалась</i>	<i>они</i>	<i>duy</i>	<i>daredəli</i> <i>останавливались</i>

Мы видим полное совпадение в спряжении третьего лица единственного и множественного числа, справедливого для всех глаголов в настоящем времени и интранзитивных глаголов в любом времени. В полной мере поле количественности языка пушту на первом системном уровне проявляет себя в первом и втором лице. Неполная передача свойств ядра определяет глаголы на границу околядерной зоны.

К **периферии поля** относятся способы выражения количественности у местоимений-существительных (кроме личных): *sə* – *что*, *dāgha* – *этот*, *эта*, *эти*, *hāgha* – *тот*, *та*, *те* и другие, местоимения энклитики: *mi* – 1-е лицо ед.ч., *di* – 2-е лицо ед.ч., *mi* – 1-е лицо мн.ч., *to* – 2-е лицо мн.ч., притяжательные местоимения: *zmā* – *мой*, *stā* – *твой*, *zming* – *наши* и другие, а также все остальные местоимения, наречия (кроме адвербиализированных): *khwarā* – *очень*, *wrānde* – *вперед* и другие, неизменяемые прилагательные: *xāistā* – *красивый*, *idārī* – *административный*, а также союзы (*aw* – *и*, *ka sə ham* – *хотя и другие*), частицы (*kho* – *ведь*, *na* – *нет* и другие) и междометия (*afrīn* – *bravo*, *ikh* – *ой* и другие). Эти конститuentы не передают свойства ядра, не испытывают его влияния, либо находятся под воздействием других полей в зависимости от своей лексической и синтаксической роли в предложении. Сопоставив изученный материал, мы пришли к выводу о совпадении периферии для первого и второго системных уровней поля количественности языка пушту.

Отдельным сегментом ядра поля количественности на первом системном уровне являются способы выражения количественности, связанные с выражением совершенного вида настоящего и будущего времени, а также повелительного наклонения. Особенность сегмента состоит в том, что он несет в себе характеристики, свойственные как первому, так и второму системным уровням. Факт того, что подлежащее в любом случае подчиняет себе стоящую в совершенном виде образующую форму *krəl* транзитивного глагола, позволил нам отнести подобные случаи к первому системному уровню. Подтвердим свою точку зрения следующими примерами.

Warta bāida da che shifākhānē rawān kāl jōre kṛi.

Ему необходимо построить больницы в этом году.

Транзитивный глагол *jōrawəl* – *строить* распался на именную часть *jōre*, согласующуюся с прямым дополнением, выраженным существительным множественного числа женского рода *shifākhānē* – *больницы*, и на стоящую в совершенном виде образующую часть третьего лица обоих чисел *kṛi*. В данном примере подлежащее выражено лично-направительным местоимением *war*, не имеющим лица и числа.

Dāgha shkhāre bə rātlünke myāsh t khlāse shi.

Эти конфликты будут улажены в следующем месяце.

Интранзитивный глагол *khlāsedəl* – улаживаться, освободиться распался на именную часть *khlāse* и на стоящую в совершенном виде образующую часть третьего лица обоих чисел *shi*. Обе части согласуются с подлежащим, выраженным существительным множественного числа женского рода *shkhə́re* – конфликты.

Srīne māṇṇu jṓre krāy!

Постройте белые дворцы!

Транзитивный глагол *jórawəl* – строить распался на именную часть *jṓre*, согласующуюся с прямым дополнением, выраженным существительным множественного числа женского рода *māṇṇu* – дворцы, и на стоящую в совершенном виде образующую форму повелительного наклонения второго лица обоих чисел *krāy*. В данном примере прямое дополнение *māṇṇu* – дворцы также подчиняет себе определение, выраженное слабым прилагательным *srīn* – белый.

Прежде чем перейти к рассмотрению второго системного уровня, нам необходимо в основных чертах объяснить явление эргативной конструкции в языке пушту, относящееся к полю синтаксиса. Лингвистический энциклопедический словарь определяет термин **эргативность** как ‘типология языка, ориентированная на семантическое противопоставление так называемого агента (производителя действия) и фактита (носителя действия)’ (1990: 593).

С позиции лексики все глаголы языка пушту делятся на транзитивные (переходные) и интранзитивные (непереходные), а также квазипереходные глаголы. Транзитивный глагол имеет при себе прямое (не находящееся под воздействием предлогов и послелогов) дополнение, то есть, предмет, на который направлено действие. Именно с ним глагол согласуется в числе и лице. Квазипереходные глаголы не имеют при себе прямого дополнения, но спрягаются по типу транзитивных глаголов, в прошедшем времени всегда принимая форму инфинитива, совпадающую с формой 3-го лица мн. числа мужского рода. Нужно заметить, что явление эргативности ставит подлежащее в косвенный падеж, который у ряда групп существительных единственного числа языка пушту совпадает с их множественным числом.

Например, рассмотрим следующее предложение с транзитивным глаголом *lwastəl* – читать, прямым дополнением *majalá* – журнал и подлежащим *pêghla* (мн.ч. *pêghle*) – девушка.

Pêghle (косвенный падеж ед.ч.) *majalá lwastəla*.

Девушка читала журнал.

Прямое дополнение, выраженное существительным единственного числа женского рода *majalá* – журнал потребовало от сказуемого, глагола *lwastəl* – читать согласования в числе и роде. При этом подлежащее, выраженное существительным единственного числа женского рода *pêghla* (мн.ч. *pêghle*) – девушка, приняло форму косвенного падежа, в данном случае совпадающую с формой множественного числа.

Второй пример, использующий время перфект, содержит транзитивный

отыменный глагол *pə sə shi shurĭ kawəʎ* – что-либо начинать, прямое дополнение *bambārəy* – бомбардировки, подлежащее *alwutáka*(мн.ч. *alwutáke*) – самолет.

Alwutáka(косвенный падеж мн.ч.) *pə bambārĭo shurĭ kə're da*.

Самолеты начали бомбардировки.

Прямое дополнение, выраженное существительным множественного числа женского рода *bambārəy* – бомбардировки, испытывает на себе воздействие предлога *pə*, ставится в косвенный падеж и не может согласовываться с собой сказуемое, глагол *pə sə shi shurĭ kawəʎ* – что-либо начинать. Последний согласуется со своей составной частью, существительным единственного числа женского рода *shurĭ* – начало. Подобный способ подчинения характерен для всех транзитивных глаголов – простых, сложных, отыменных.

Третий пример содержит интранзитивный глагол *tləl* – идти и квазипереходный глагол – смеяться.

Day pə zahmát təy au na ye (местоимение энклитики третьего лица обоих чисел) *khandəʎ*.

Он шел с трудом и не смеялся.

В данном предложении отсутствует прямое дополнение. Квазипереходный глагол *khandəʎ* в прошедшем времени принял форму инфинитива, совпадающую с формой 3-го лица мн. числа мужского рода. Предложение на языке пушту дважды содержит в себе подлежащее. Первый раз оно выражено личным местоимением *day* – он и согласуется с формой *təy* – шел третьего лица единственного числа мужского рода интранзитивного глагола *tləl* – идти. Второй раз в роли подлежащего выступает местоимение энклитики третьего лица обоих чисел *ye*, так как любой квазипереходный глагол в прошедшем времени требует постановки подлежащего в косвенном падеже.

Приведенные выше три примера в общих чертах отображают специфику подчинительных связей на втором системном уровне поля числа языка пушту.

Прямое дополнение, выраженное существительным множественного числа женского рода *bambārəy* – бомбардировки, испытывает на себе воздействие предлога *pə*, ставится в косвенный падеж и не может согласовываться с собой сказуемое, глагол *pə sə shi shurĭ kawəʎ* – что-либо начинать. Последний согласуется со своей составной частью, существительным единственного числа женского рода *shurĭ* – начало.

Взаимодействие предлогов и послелогов с существительными, прилагательными и глаголами во многих случаях изменяет свойства ядра поля количественности. Кроме ранее описанной эргативной конструкции, форма косвенного падежа используется для выражения падежных отношений в сочетании с предлогами и послелогом. **Части речи**, находящиеся в косвенном падеже, перестают подчиняться себе другие члены предложения. Указанная закономерность справедлива для первого и второго системных уровней. Ниже мы приводим примеры, доказывающие подобный вывод.

Предлог *də* передает отношения родительного падежа, *də takhtê* (существительное приняло форму косвенного падежа, совпадающую с формой

мн.ч., ед.ч. *takhtâ* – доска) *rang* – цвет доски, *də korbānə* (существительное приняло форму косвенного падежа, совпадающую с формой мн.ч., ед.ч. *korbâ* – хозяин дома) *khə-dza* – жена хозяина дома. В данных примерах существительные, стоящие с предлогом *də*, образуют множественное число при помощи флексии. Его форма совпадает с формой косвенного падежа. Таким же образом эти и другие существительные изменяются при взаимодействии с предлогами *pə* – в,на; *pər* – на; *lə* – из; *tər* – к, а также послелогом *sarâ* – вместе; *skha* – из; *ta* – до, к и другими.

Косвенный падеж имен существительных множественного числа имеет одинаковое для обоих родов окончание *o*. Например,

Pə raxtanô ke dâgha dod ravâj na larî.

Среди пуштунов этот обычай не распространен.

Рассмотрим предложение, содержащее эргативную конструкцию и форму множественного числа: в косвенном падеже с предлогами и послелогом.

Xə-dze wîwail dâgha akhbâr ye pə majalô ke wîlidəl aw khpəle lur ta haghôu wîxodəl.

Женщина сообщила, что она увидела эти новости в журналах и показала их своей дочери.

Предлог *pə* и послелог *ke* обусловили окончание *o* у существительного множественного числа женского рода *majalê* – газеты. Послелог *ta* оставил существительное единственного числа *lur* – дочь без изменений, так как в языке пушту слова пласта лексики, обозначающего родственные отношения, по-разному образуют косвенный падеж и формы множественного числа.

Кроме этого, данное предложение содержит ярко выраженную эргативную конструкцию. Квазипереходный глагол *wai l-* говорить, сообщать ставит подлежащее, выраженное существительным единственного числа женского рода *xə-dza* – женщина в косвенный падеж, совпадающий с формой множественного числа *xə-dze*. Транзитивные глаголы *lidəl* – видеть и *xodəl* – показывать согласуются с существительным множественного числа мужского рода *akhbâr* – новости.

Мы в общих чертах рассмотрели два системных уровня поля количественности языка пушту во взаимодействии с полем синтаксиса, а также морфологии и лексики. Приведенные примеры доказывают, что ядром данного поля являются способы выражения количественности имен существительных, а также других частей речи, обладающих одинаковыми с ними характеристиками. Околоядерную зону представляют собой средства передачи количественности у определенных прилагательных, наречий и глаголов. К периферии мы отнесли неизменяемые прилагательные, ряд местоимений, наречий, частицы, союзы и междометия.

К первому системному уровню поля количественности относятся средства выражения настоящего времени несовершенного вида, будущего времени несовершенного вида, потенциального спряжения настоящего, будущего времени и прошедшего времени интранзитивных глаголов. Отдельным сегментом первого системного уровня мы считаем процессы, происходящие в

настоящем времени совершенного вида, будущем времени совершенного вида и повелительном наклонении.

Второй системный уровень формируют способы выражения прошедшего времени всех видов переходных и квазипереходных глаголов, а также потенциального спряжения совершенного вида прошедшего времени, порицательного, условно-желательного и предположительного наклонения. Необходимо заметить, что эта особенность обусловлена наличием в пушту эргативной конструкции. Второй системный уровень отличается от первого гораздо большей интенсивностью согласования друг с другом различных членов предложения.

Литература

1. Асланов М.Г. Пушту–русский словарь. – М.: Русский язык, 1985. – 1007 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. – 570 с.
3. Бертельс Е. Строй языка пушту (афганский) – Л.: Ленинградский научно–исследовательский институт языкознания, 1936. – 31 с.
4. Дворянков Н.А. Язык пушту. – М.: Издательство восточной литературы, 1960. – 91 с.
5. Лебедев К.А. Афганистан: язык, литература, этнография. – М.: Муравей, 2003. – 470 с.
6. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 253 с.
7. Ярцева В.Н., Арутюнова Н.Д., Виноградов В.А. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
8. Яцевич Л.С. Порядок слов в простом предложении современного афганского языка (пушту). – М.: МГУ, 1952. – 82 с.
9. Gilbertson G.W. First Pakkhtoo Book. – Benares: Medical Hall Press 1901. – 352 с.

(0,6 п.л.)